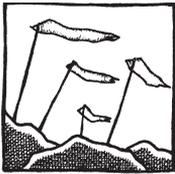

Глава первая

ЗАКОЛДОВАННЫЙ СОН

К ней приходит сон,
И со всех сторон
Собралось над ней
Множество зверей.

*Уильям Блейк,
(перевод В. Микушевича)*

В долине, осененной рододендронами, близко к границе снегов, где бежал молочно-белый ручей с талой водой и среди великанш-сосен летали голуби и коноплянки, была пещера, наполовину заслоненная сверху нависшей скалой и жесткой тяжелой листвой — снизу.

Лес был полон звуков: звон ручья в каменистом ложе, шорох ветра в сосновых лапах, треск насекомых, крики маленьких древесных зверьков, птичье пение и время от времени — виолончельный стон кедровой или сосновой ветви, трущейся о соседку при сильном порыве ветра.

Это было царство солнечного света, но не сплошного, а пятнистого: лимонно-желтые лучи его прошивали лесную кровлю и упирались в землю между озерцами буро-

зеленой тени. Свет был неспокоен и переменчив: кочевой туман наплывал на деревья, цедил сквозь себя жемчужное сияние и каждую шишку одевал росой, заживавшейся, когда он рассеивался. Иногда влага облаков конденсировалась в изморось, которая не падала, а с мягким шелестом оседала на миллионы игл.

Вдоль ручья, от деревни внизу долины, вернее, просто горстки пастушьих хижин, тянулась тропинка к полуразрушенному святилищу на самом верху, под ледником; там, на вечном ветру высокогорья, развевались линялые шелковые флаги, и деревенские складывали свои приношения — ячменные лепешки и высушенный чай. Необыкновенное сочетание льда, водяных паров и света постоянно рождало радуги наверху долины.

Пещера располагалась выше тропинки. Много лет назад здесь жил святой человек — предавался созерцанию, постился, — и в память о нем это место почитали. Пещера была метров десяти глубиной, с сухим полом — идеальное логово для волка или медведя, хотя селились здесь только птицы да летучие мыши.

Но существо, которое сидело сейчас в горловине пещеры, поглядывая по сторонам и насторожив острые уши, не было ни птицей, ни летучей мышью. Лоснистый золотой мех его горел на солнце, а цепкие лапы поворачивали шишку так и эдак; острые пальцы отщипывали чешуйки и выколупывали сладковатые орешки.

Позади него, там, куда уже не достигал прямой солнечный свет, миссис Колтер грела на керосиновой печке маленькую кастрюлю с водой. Ее деймон предостерегающе буркнул, и она подняла голову.

По тропинке шла деревенская девочка. Миссис Колтер знала ее. Ама уже несколько дней носила ей пищу. Явив-

шись сюда, миссис Колтер сообщила деревенским, что она святая, что она посвятила себя созерцанию и молитве и дала обет никогда не разговаривать с мужчиной. К себе она не допускала никого, кроме Амы.

Однако на этот раз девочка пришла не одна. С ней был отец, и, пока она поднималась к пещере, он ждал поодаль.

Ама подошла к пещере и поклонилась.

— Отец послал меня молить вас о благорасположении.

— Здравствуй, дитя.

Девочка положила к ногам миссис Колтер еду, завернутую в выцветшую ткань. Потом протянула букетик — десяток анемонов, перевязанных ниткой, — и торопливо заговорила. Миссис Колтер немного понимала язык здешних горцев, но предпочитала скрывать это. Она улыбнулась и велела девочке замолчать и наблюдать за их деймонами. Золотая обезьяна протянула черную ладонь. Бабочка, деймон Амы, нерешительно подлетела к ней и села на жесткий указательный палец.

Обезьяна медленно поднесла ее к уху, и чужие мысли тонким ручейком полились в сознание миссис Колтер. Смысл девочкиных слов стал проясняться. Жители деревни рады, что святая женщина миссис Колтер поселилась поблизости от них в пещере, но ходят слухи, что с ней живет кто-то еще, могущественный и опасный.

И жители деревни напуганы. Это другое существо — оно хозяин миссис Колтер или ее слуга? И не дурны ли его намерения? И почему она выбрала это место? Долго ли они тут пробудут? Ама передала все эти вопросы, порожденные множеством опасений.

Деймон миссис Колтер понял их, и через него — она сама. Ей пришел в голову неожиданный ответ. Можно сказать правду. Не всю, конечно, — часть. Она засмеялась

про себя при этой мысли, но не подала вида и объяснять стала серьезно:

— Да, со мной еще кто-то есть. Но бояться нечего. Она моя дочь, ее заколдовали, и теперь она спит. Мы спрячемся здесь от волшебника, который заколдовал ее, и я попытаюсь ее вылечить и убереечь от злодея. Если хочешь, пойди посмотри на нее.

Аму наполовину успокоил ласковый голос миссис Колтер, хотя испуг еще не совсем прошел, а после слов о колдовстве и волшебнике она смотрела на нее с еще большим благоговением. Но золотая обезьяна держала ее деймона так бережно, а саму ее так разбирало любопытство, что она вошла за женщиной в пещеру.

Отец Амы внизу сделал было шаг, ворона, его деймон, раз-другой подняла крылья, но он передумал и остался на месте.

День быстро гас, миссис Колтер зажгла свечу и провела Аму в глубь пещеры. Глаза девочки возбужденно блестели в сумраке, и руки безостановочно двигались — большой палец об указательный, большой об указательный, чтобы отвести опасность, смутить злых духов.

— Вот видишь? — сказала миссис Колтер. — Она не причинит вреда. Вам нечего бояться.

Ама смотрела на человека в спальном мешке. Это была девочка, года на три или четыре старше ее, с волосами невиданного цвета — светло-желтыми, как у льва. Губы у нее были сжаты, и она крепко спала — в этом не было сомнения, потому что ее деймон, свернувшись калачиком, лежал у нее на шее и не подавал признаков жизни. Он походил на мангусту, только помельче и с золотисто-рыжим мехом. Золотая обезьяна нежно погладила его между ушей, он беспокойно зашевелился и хрипло мяукнул. Деймон Амы,

принявший вид мыши, прижался к ее шее и со страхом смотрел из-под ее волос.

— Можешь теперь рассказать отцу, что ты видела, — продолжала миссис Колтер. — Никакого злого духа. Только моя дочь — спит заколдованным сном, и я за ней ухаживаю. Но прошу тебя, Ама, скажи отцу, что это надо держать в секрете. Никто, кроме вас двоих, не должен знать, что Лира здесь. Если чародей проведает, где она, он ее отыщет и погубит и ее, и меня, и всех, кто поблизости. Так что ни слова. Скажи только отцу и больше никому.

Миссис Колтер опустила на колени возле спящей, убрала влажные волосы с ее лица, потом наклонилась и поцеловала дочь в щеку. Она подняла голову, улыбнулась Аме, и в ее печальном взгляде было столько любви и терпеливого сострадания, что в глазах у девочки помутилось от слез.

У выхода из пещеры миссис Колтер взяла Аму за руку и увидела ее отца, с тревогой смотревшего снизу. Женщина сложила ладони и поклонилась ему. На лице его выразилось облегчение, а его дочь, поклонившись миссис Колтер и заколдованной спящей, в сумерках побежала вниз по склону. Отец с дочерью еще раз поклонились пещере, зашагали прочь и скоро скрылись в густой тени рододендронов.

Миссис Колтер вернулась к своей печке, где уже закипала вода.

Присев, она накрошила в воду сушеных листьев — две щепотки из одного мешочка, щепотку из другого, потом добавила три капли бледно-желтого масла и стала быстро размешивать. Она отсчитывала про себя секунды и через пять минут сняла кастрюльку с огня и села на землю ждать, когда отвар остынет.

Вокруг валялось снаряжение из лагеря у синего озера, где умер сэр Чарльз Латром: спальный мешок, рюкзак со сменами одежды и принадлежностями для мытья и прочее. В том числе брезентовый чемодан с крепким деревянным каркасом, где лежали разные приборы, переложенные растительным пухом, и пистолет в кобуре.

Отвар остывал быстро в разреженном воздухе, и, когда он охладился до температуры тела, она осторожно перелила его в металлический стакан и перенесла в конец пещеры. Обезьяна бросила свою шишку и пошла за ней.

Миссис Колтер поставила стакан на плоский камень и опустилась на колени рядом со спящей Лирой. Золотая обезьяна присела с другой стороны, приготовившись схватить Пантелеймона, если он проснется.

Волосы у Лиры были влажны, глаза двигались под веками. Она уже шевелилась: миссис Колтер заметила, как затрепетали ресницы дочери, когда она ее поцеловала, — скоро Лира совсем проснется.

Миссис Колтер приподняла ей голову, а другой рукой убрала со лба влажные пряди волос. Лира разжала губы и тихо застонала. Пантелеймон чуть передвинулся к ее груди. Золотая обезьяна не сводила глаз с деймона Лире и черными пальчиками теребила край спального мешка.

Миссис Колтер посмотрела на нее, обезьяна отстранилась и отпустила мешок. Женщина приподняла дочь за плечи; голова у Лире свесилась набок. Девочка вздохнула, веки ее затрепетали, и она с трудом приоткрыла глаза.

— Роджер... — пробормотала она. — Где ты... я не вижу...

— Ш-ш-ш, — шепнула мать, — тихо, дорогая. На, выпей.

Она поднесла ко рту Лире стакан и слегка наклонила, чтобы жидкость только смочила губы. Лира провела по ним

языком, и тогда миссис Колтер стала потихоньку вливать отвар, всякий раз дожидаясь, когда Лира проглотит очередную порцию.

Это заняло несколько минут, но в конце концов стакан опустел, и миссис Колтер снова уложила дочь. Как только голова Лиры коснулась земли, Пантелеймон перелез к ней на горло. Его золотисто-рыжий мех был так же влажен, как ее волосы. Оба крепко уснули.

Золотая обезьяна тихо пробралась к выходу из пещеры и снова уселась там — наблюдать за тропинкой. Миссис Колтер окунула фланелевую тряпицу в тазик с холодной водой, смочила девочке лицо, а потом расстегнула спальный мешок и обтерла плечи, шею и руки — Лире было жарко. Потом взяла гребень, осторожно расчесала ей спутавшиеся волосы, убрала их со лба и сделала аккуратный пробор.

Оставив спальный мешок раскрытым, чтобы Лира немного остыла, миссис Колтер развязала узелок, принесенный Амой, и достала оттуда лепешки, плитку прессованного чая и пригоршню липкого риса, завернутого в широкий лист. Пора было разводить костер. Здесь, в горах, по ночам стоял лютый холод. Она методично настрогала сухой трутовик, наложила сверху сучков и поднесла спичку. Об этом тоже пора было подумать: спички подходят к концу и керосин тоже, теперь придется жечь костер круглые сутки.

Деймон ее был недоволен. Ему не нравилось все ее предприятие, но, когда он пытался довести это до ее сведения, миссис Колтер только отмахивалась. Повернувшись к ней спиной и всем своим видом выражая презрение, золотая обезьяна продолжала лущить шишку. Миссис Колтер не обращала на нее внимания. Умело

и не торопясь она развела костер и поставила кипятить воду для чая.

Тем не менее скепсис деймона передался ей, и, кроша темный чай над кастрюлей, она снова и снова спрашивала себя, что она, в самом деле, затеяла, не сходит ли она с ума — и что будет, когда об этом узнает церковь. Прав ее деймон: она не только Лиру прячет, она прячет голову в песок.

Из тьмы появился мальчик и шептал, шептал, с надеждой и страхом:

— Лира... Лира... Лира...

Позади него другие фигуры, еще более призрачные, безмолвные. Казалось, они знакомы между собой и все одной породы, но лиц их не было видно и не слышно голосов. А его голос не поднимался выше шепота, и лицо было в тени, расплывчато, как что-то полузабытое.

— Лира... Лира...

Где это было?

На огромной равнине, где чугунное небо не давало света и горизонт со всех сторон был скрыт туманом. И голая земля, утоптанная миллионами ног, хотя ноги эти были легче пуха; верно, время выгладило ее, хотя и время в этом краю застыло; значит, все тут было так, как только и могло быть. Самый крайний край, последний из миров.

— Лира...

Почему они были здесь?

Они были узниками. Кто-то совершил преступление, неизвестно какое, и неизвестно кто, и неизвестно, какой судья вынес ему приговор.

Почему мальчик все время звал Лиру?

Надежда.

Кто они были? Духи.

И Лира не могла коснуться их, сколько ни пыталась. Снова и снова ее руки попадали в пустоту, а мальчик все стоял и просил о чем-то.

— Роджер, — сказала она, но с губ слетел только шепот. — Роджер, где ты? Что это за место?

Он сказал:

— Это мир мертвых, Лира... Я не знаю, что мне делать... Не знаю, навечно ли я здесь, не знаю, что я сделал плохого, я старался быть хорошим, но мне здесь плохо, здесь страшно, здесь ужасно...

А Лира сказала:

— Я...